

Темчурина Л. А.

ЦЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО КОНТИНУУМА

Гражданское общество дает современному человеку широкий спектр свобод в области духовной жизни. В многообразиях ее форм религиозная составляющая является весьма популярной и часто запрашиваемой в молодежной, образованной и элитарной средах. Сегодня религиозные представления демонстрируют удивительную гибкость и приспособляемость к любым человеческим ценностям и потребностям, а формы их проявления в виде неорелигиозного движения, насчитывающего сотни модификаций, ассоциируются со взрывом.

Религиозные интенции легко смещаются в область, малопривлекательную для них в традиционном смысле: бизнес, политика, образование, здоровье, досуг – самые ходовые упаковки для человеческого духа. Подпитка авторитетности в мире земном требует от неорелигий надежных и апробированных методов. Доминанту веры и озарения теснят релевантные в религиозной сфере логика, знание, наука. Дилемма «сердечное горение» - «трезвое размышление» часто решается не в пользу последнего. Религиозное сознание изобретает искусственные средства удержания и одного и другого, отступая от интереса к сущности предмета.

Характерный пример – рериховская неорелигия Живой Этики.

В ней особенно ярка неадекватность духовного модуса. Последователи Живой Этики пытаются укрепить ее духовную основу. И пока были живы создатели этой религии, ее основа защищалась авторитетом и бдительностью самих создателей. Но современным рериховцам защищать то, чего нет, намного сложнее. Отсюда настойчивая претенциозность оформить фасад своей религии под научную форму, перевоплотиться в которую рериховцам иногда помогают профессионалы [8], а свою организацию объявить общественной.

Живая Этика синтезировала новый элемент, названный основой всех основ, Духоматерию. Наконец-то вегетативность перестанет причинять неудобства нашей совести, когда природное поглощается телесным. В Живой Этике и механизм указан: не пища, а возжигание внутренним огнем валерианы, смол, соды и мускуса, но, с другой стороны, как-то непривычно, чтобы такая всеобщая Субстанциональность легко растворялась в физическом теле. И Николай Кузанский разъясняет, что интеллектуальный дух... не может, обращаясь к вечному, превратить его в себя [12, с. 94]. Но в контексте учения все проблемы сняты, ведь «эволюция всего Космоса состоит в усовершенствовании земной материи» [8, с. 89], т.е. человечество, так сказать, обзавелось работником – «всем Космосом», а при такой могучей поддержке как раз и время подумать о возвращении в райские кущи. Собственно, именно туда, в град светлый, страну заповедную, обетованное светлое и звали Рерихи. Метаморфоза всеобщего завершается проявлением психической энергии в человеке. И озабоченность Живой Этики о том, что наука не изучает эту область [8, с. 87], несколько устарела: наука в виде психологии (и психиатрии) изучает ее уже более ста лет, и не безуспешно.

Претензии Рерихов к науке граничат с парадоксальностью: то «наука земная, с трудом помнящая день вчерашний и не знающая завтра, ничтожна» [16, §20], и она «не может выйти за пределы механического круга» [5, §10], то заверение, что «у Нас лишь космический научный метод» [16, §89]. Тем не менее такая несогласованность не мешает авторам статьи видеть Рерихов на вершинах мировой науки, и они, резюмируя научную картину мира, полагают: «Это – один из примеров развития науки в русле идей Живой Этики» [8, с. 89]. Создается впечатление, что Живая Этика стала идеологической закваской, катализатором, без которого наука, де, и не вырвалась бы из плоскости прагматизма и ограниченности и что именно Живая Этика – питающий ее источник. И это впечатление подтверждается текстом учения: «наука не может продвинуться без осознания Живой Этики» [4, §718]. Рерихи все же какую-то науку признавали, и их

симпатии были смещены в сторону отдельных наук не гуманитарного цикла. Это странно, т.к. и Николай и Елена Рерихи – люди художественного склада ума. И здесь не обходится без внутренних интересов. Астрофизика, биология, химия – все эти направления можно привлечь для подтверждения эволюционизма, занимающего в их учении довольно обширное место. Наука же сама по себе, как область, которая «вырабатывает объективную истину» [24, с. 375] и «занята не сведением концов с концами, а проблемами» [3, с. 137], причем, решая поставленные задачи, ставит новые, еще более острые, не совсем соответствует ценностям, исповедуемым Рерихами. Рерихи, следуя указам свыше, выбрали позицию своевременного распознавания сложности и, обнаружив ее, они принимали позицию обороны или обходного пути. Кроме того, говоря сегодня о научности Живой Этики, следует учесть, что она создавалась в то время, когда приоритет отводился естествознанию, дающему точный и четкий результат. Рерихов же, стремящихся блеснуть новизной в культуре, могло привлечь это свойство науки, что и обнаруживается в их учении, тексты которого ей абсолютно не соответствуют.

Субъективное отношение к науке подтверждается и представлениями об эволюционизме. К моменту написания Живой Этики в науке целиком сложилось классическое направление эволюционизма с широко известными именами Лёббока, Тайлора, Фрезера, Спенсера, развивающееся в дальнейшем усилиями мыслителей теологического и др. направлений, – Шпенглера, Раппопорта, Тейяра де Шардена и др. Странно, что авторы статьи называют Рерихов величайшими эволюционистами, ведь ни Николай, ни Елена Рерихи не обращались к этим именам и их работам и не зафиксировали свое осмысление моделей эволюционизма, продолжая их развивать.

Попробуем сформулировать вопрос: смогли бы мы поставить рядом с именами Рерихов понятие «эволюционизм», если бы в свое время наука ни слова не сказала об этом предмете? Думаю, что ответ на этот вопрос не приведет к очередной пропаганде нового «философского камня», но за именем Рерихов могло бы открыться достаточно интересное явление культурного, социального и религиозного планов, о котором мы ничего не знаем. Впрочем, силами эволюционистов активно разрабатывалось представление о культуре, возможно, это и послужило причиной того, чтобы и имя Рерихов, пропагандистов культурных ценностей, было введено в эту научную сферу. Но нельзя же на основе таких условных и косвенных ассоциаций заблуждение называть истиной. Это не научно.

Что же касается противоречий в упомянутой статье, лежащих на поверхности, то они следующие:

во-первых, этимология слова «эволюция» – от лат. *evolutio* – означает «развертывание» и еще Спенсером определена как «особый тип последовательности необратимых изменений культурных феноменов от относительно неопределенной гомогенности к относительно более определенной, согласованной гетерогенности, происходящих благодаря постепенной дифференциации и интеграции» [13, с. 542]. У Рерихов понятие эволюционизма произвольно смешано с понятием космизма и понимается как замкнутый кругообразный процесс, «эволюция Космоса», не зафиксированная отправной точкой даже в виде неопределенности, "не имеет предела ни в прошлом, ни в будущем" [8, с. 89]. Еще греки определили космос как завершенное равновесие мира, и поэтому понятие эволюции плохо с ним сочетается;

во-вторых, авторы статьи настаивают на том, что «эволюция космоса протекает по законам, не зависящим от воли и желания людей» [8, с. 89]. И в то же самое время «всена начальная сила космоса» – психическая энергия, а все остальные, известные нам из физики и др. наук энергии, – всего лишь ее дифференцированное состояние. Кроме того, все учение проникнуто мыслью об освоении психической энергии и о способах овладения ею. Значит, человек по своему желанию, силой своей воли может управлять процессами в мире? Волюнтаризм?

в-третьих, в учении неустанно говорится о всеобщих смыслах мироздания и эволюции. Наука никогда не устанавливала причинности мира, это всегда было

преимуществом религии, но и в религиях мыслящие люди, например, Будда Гаутама, обходили этот вопрос молчанием;

в-четвертых, понятие одухотворенности, широко связываемое Рерихами с эволюционизмом, до сих пор в науке, равно как и в теологии, считается достаточно сложным. В учении оно легко переносится на весь космос как научное понятие и легко же служит средством кардинальных преобразений всего, что попадает под руку. А мысль «одухотворить себя, природу и общество» сильно напоминает прожекты недавнего прошлого. Запомню, как споткнулись в строительстве одной планетарной глобалистики, мы уже выказываем готовность к новым подвигам «сознательного участия в строительстве Вселенной». Как тут не вспомнить И. Хейзингу с его концепцией «человека играющего», заметившего, что «понятия игры и святости постоянно соприкасаются» [25, с. 87]. Однако в нашем случае сразу и не определишь, трагично это или комично. И к чему же призывается современный массовый человек: понимать или слепо «слетаться» на неизвестно для чего зажженный светильник? Одухотворенный человек, одухотворенная Вселенная, одухотворенная Живая Этика – кстати, каким способом? Оказывается, не без использования спиритизма. Конечно, некоторые (или многие) со спиритизмом не согласятся. Но обратимся к письмам Николая Рериха по пути в Америку в 1924 году (куда он вместе с сыном Святославом плыл на корабле), адресованным супруге. Неприметная фраза для беглого прочтения: «Сидеть мы не пробовали, ибо настроение Светы (сына) было неустойчивое. Теперь оно лучше». И через несколько дней письмо, состоящее из коротких, но типичных для текстов учения фраз: «Я лютых уничтожу. Чую, можно спокойно плыть. Явление ищите на корабле. (Получено с большим трудом, ибо стол очень неудобен)» [18, с. 34]. В то же время в текстах учения метафизика, мистика и спиритизм категорически отрицаются, на авторитетность чего и ориентируются его последователи. Поэтому искренние стремления авторов статьи приписать учению Живой Этики научный метод – поспешны.

Еще одно противоречие, причиняющее неудобства последователям учения, – вопрос о его религиозном характере. В общем, этот вопрос простой, но, возможно, многих смущает необычность этого учения, связанная с созидательными тектоническими сдвигами планеты; ведь мы привыкли воспринимать религию в традиционном смысле. Так называемые мировые религии – христианство, буддизм, ислам – не стремились создавать человека-устроителя земной жизни, но, напротив, раскрывали перед ним перспективу инобытия как главной цели существования. Действительно, выбрать за основу религиозности такие категории, как смысл жизни, смерть-бессмертие, добро-зло и т.д. – значит принять неоднозначные, зыбкие критерии, т.к. этими категориями занимается не только религия. Но при конструктивном, последовательном подходе здесь нет неясности. А различные методы, которыми пользуется наука и религия, познавая окружающую действительность, вторичны. Уже этимологический смысл слова «религия» – от лат. religio – означает «связь», «восстановление» [23, с. 406]... И коль скоро речь идет о связи, то следующим логическим шагом будет показать, как минимум, два объекта, между которыми это отношение устанавливается. Выбор объектов неоднозначен – с одной стороны, речь идет о человеке как отдельном, обособленном в мире, ищущем, неудовлетворенном, мятущемся и ограниченном существе. Довольно рано в своем развитии человек обратил внимание на то, что устойчивой, надежной в практическом смысле система вещей может быть только тогда, когда она находится в равновесии. И вот это-то равновесие, в себе – природное и вне себя – социальное, надо постоянно удерживать. Мотивация простая – бытийность человека – выжить, сохранить здоровье, удачу, счастье и т.д. Еще древние мыслители показали, насколько это важно и жизненно в представлениях об идеале и гармонии. Несовершенное может сохранить себя через связь с совершенным – Единым, Абсолютом, Небом, Духом, богами – надчеловеческим, которое и есть второй объект религиозности. Ориентировались ли Рерихи на такой объект? Без всякого сомнения. В их религии такой объект не только абстрактный (Дух, Огонь,

Абсолют...), но и конкретно-личностный (Владыка, Учитель, Духовный Водитель). Рериховская религия целиком вышла из теософии и оккультизма, а «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской была самым признанным произведением. Е.П. Блаватская стала тем Вестником, принесшим дух высших миров, который по своей духовно-мировоззренческой авторитетности не сравнился Рерихами ни с кем. Кроме того, популярность идей прогресса в начале XX века и эстетизируемое, в силу профессиональных занятий Николая Рериха – художника и поэта, видение мира завершилось абсолютизируемыми понятиями Красоты и созидательности. Эту методологическую сторону рериховской религиозности завершила Елена Рерих, с ее способностью к экзальтации и духовно-психическим переживаниям, достроив мировоззренческую Храмину методически. Можно показать и другие, менее значительные стороны их религиозности: наличие сакральных предметов – колец и камней – фетишей, облегчавших им связь с высшими мирами, а также священная персонификация, имевшая привкус духовной власти – планируемое место Далай-Ламы-2 от западных буддистов в лице Николая Константиновича и духовный сан Матери Агни-Йоги в лице Елены Ивановны.

Спиритизм, формально отрицавшийся Рерихами, тем не менее занимал не последнее место в их жизни. То же самое касается и мистики, которая в данной религии представляет собой непосредственное соприкосновение Елены Рерих с метафизической реальностью. Религиозная жизнь Елены Рерих, покоящаяся на мистических спекуляциях, достаточно противоречива. «Достигнуть же понимания... феноменов... прежде всего религиозных, обходя стороной их подсознательную динамику, невозможно» [26, с. 210]. Сублиминальные потоки мыслей и чувств в виде откровений, видений, снов, яснослышания и т.д. питали ее религиозное сознание. «Нездешний мир, – пишет Людмила Шапошникова, комментируя жизнь «Великой Космической сущности», – реальный и нереальный, приходил к ней обычно во сне, затем как бы отрывался от этого сна и становился явью» [21, с. 4]... Воспроизводя и поясняя этот опыт в многочисленных письмах к своим последователям, Елена Рерих создала определенную идеологию, а с другой стороны, закрепляла ее в конструируемом учении Живой Этики. Открытие глубины бессознательного было активизировано психической жизнью, и психическая энергия из этих источников трансформирована во вне, в сферу социальной созидательности, но, не имея под собой иной реальной почвы, завершилась утопически. Это еще один результат именно религиозного, а не научного подхода.

Мистический опыт – весьма редкое и уникальное переживание, но, захваченная этой глубинной силой, человеческая личность начинает, пройдя многие опасные переходы, пробуждаться к активным формам существования, демонстрируя новые, нарождающиеся в себе качества. А мистика, несмотря на ее парадоксальный и противоречивый характер, заявляет о себе как о здоровой части духовной культуры. Исследование мистических феноменов в рериховской религии – отдельный, достаточно емкий вопрос, и здесь ограничимся рассмотрением нескольких черт, им свойственных. Например, сам текст. Сегодня специальная ветвь науки «Филология измененных состояний сознания» не только изучает тексты, полученные как следствие мистического экстаза, но и возвращает их в «круг знаний культурного человека». Такой текст, сильно воздействуя на сознание человека, «не читается, он исполняется, сбывается» [22, с. 109]. Его образность, напряженность и правдивость заставляют мысль остановиться, и какое-то время человек имеет возможность рефлексировать, запустить в себе внутренний процесс исследования. Соответствует ли этим представлениям текст Живой Этики? Он, действительно, бывает достаточно напряженным и не лишен оригинальных образов. Но правдив ли он?

Обратимся к примерам: «Отказавшиеся от действительности люди несут прочные стигматы лжи». Этот афоризм, безусловно, силен метафорой «прочные стигматы лжи» [14, § 198]. Но, во-первых, эта угроза – ужесточенная форма известного «Кто не с нами, тот против нас», во-вторых, усиленная абсурдом «прочные стигматы». Стигматы –

результат высочайшей и достаточно редкой религиозной экзальтации, завершающейся открытием у верующего в местах телесных страданий Иисуса Христа во время распятия на кресте кровоточащих ран. Стигматы – раны, а говорить о ранах, что они прочны, неверно, т.к. прочность показывает неразрываемость или неразрушаемость чего-либо.

Исследуя авторство «просветительской деятельности» времен застоя, Н.Н. Козлова акцентирует внимание на просветителях, впадающих то в морализм, то в экстаз. «В результате, – говорит она, – мы кое-что узнаем об авторах... Авторы суждений как бы пребывают в центре, а то и мыслят себя центром, вокруг которого вертится мир» [11, с.9]. В рассматриваемом афоризме морализаторская установка, разбавленная несуразностью абсурда, профанным сознанием, воспринимается как откровение, тем более, что аромат религиозного чувства здесь воскуряется образом ран Господних. И, конечно, в таком сжатом состоянии, сознание человека теряет способность поставить вопрос о действительном.

Еще пример: «посвящение лучше выразить словом «образование» [5, § 10]. Образование – это процесс создания содержательного образа окружающей действительности, благодаря чему человек имеет возможность делать выбор, совершать адекватные действия, и, как следствие, – существовать полноценно. Посвящение – достаточно сложное понятие, относящееся к традиционным культурам; оно «показывает нам, – говорит Мирча Элиаде, – что древний менталитет исходит из того, что настоящий человек – человек духовный – не является результатом естественного процесса» [29, с.394]. Особые переживания в области психической сферы и очистительный катарсис завершаются духовным взрослением, после чего человек способен решать практические задачи в пределах своей традиции. Если в первом случае – получение образования – человек достигает большей свободы, то во втором – его свобода ограничивается пределами традиции и порядком, ее составляющим. В подобной инверсии для Живой Этики важна не истина, а методы, чтобы «дух толпы научить» [17, с. 227] и «всех ставить на правильные рельсы» [20, с. 293], отсюда и соответствующие подмены. Сознание массового человека, индифферентное и узкое, воспринять высокие истины, вероятнее всего, не способно, «мы же, зная детские повадки, будем говорить научными, вчерашними терминами» [16, § 250], – вот еще одна подмена, которая не приближает, а отдаляет от истины.

Тексты Живой Этики, написанные в менторско-поучительном тоне, сильно отличаются от типичных для мистического опыта. Мистики «предаются риторике, множа до бесконечности свои попытки выразить в речи невыразимое», кроме того, чаще всего «отсутствует желание описывать» свои переживания и делиться знанием о них» [28, с. 37]. Достигая вершин изящной словесности и сохраняя исключительность субъективной манеры (особенно каббалисты), они оставались едины в одном: «сохранить... объекты созерцания в безличной форме» или трансформировать ее на язык символа. «Создается... впечатление, – говорит Гершом Шолем, – что их как бы сдерживало чувство стыда» [28, с. 29]. Ничего подобного мы не видим в Живой Этике, здесь все наоборот. Подтачивая совесть своего слушателя методично и настойчиво (текст построен по «закону спирали», от витка к витку усиливающей исходные установки), слово Учения в конечном счете добивается ее капитуляции, и она сдает сознание во власть словесных сетей, откуда очень сложно вернуться к первоначальной трезвой концентрации мысли.

Подтверждает религиозную направленность Живой Этики и простой ряд высказываний из самого текста учения, например (из книги «Зов»): «Мы все вместе творим волю Творца», «Научись обострить ухо спокойствия, устремив дух к Всемогущему, Чудесному Оку Вселенной», «Явлю вам силу учить людей, ум к Богу направлять», «Светлому Храму ступени строим», «Все в мире тени Божьи, и в пятнах света играет Божественная энергия», «И вы, воя [7] Моя, прикройтесь щитом Воли Господней, и песня Господня будет с вами», «Весь мир тело Господне», «И Промысел Благий, крест Приявший, свидетельствует огонь нашего воскресения у подножия лестницы

ко Храму познания Славы Божьей», «Твое счастье в раскрытии Божественной энергии в корнях мира», «Дойдите до положенного, куда Христос призвал» и др.

Так проявляется религиозное настроение первой книги Учения, но в дальнейшем оно модифицируется, обнаруживая притяжение к религиям Востока: буддизму, неоиндуизму, веданте и как методу – высшим ступеням йоги. Соединив осколки различных верований, как экзотерического, так и эзотерического толка, и сплавив их в тигле собственного мировидения, Рерихи на протяжении двух семилетий создали учение Живой Этики – синкретический философизм. Возможно, с термином «философизм» не все согласятся, учитывая, что сегодня все чаще Живую Этику относят к философии, однако на их несовместимость указывается в самом Учении – философия (вместе с физиологией) «на разных языках одинаково избегают говорить о самом главном»; причина этому тривиальна: неспособность подойти к простейшим решениям, которые не завершаются «следствием воспитания духа» [2, § 394]. Рериховский редукционизм делает незаконным причисление Живой Этики к философскому званию. Складывается впечатление, что только с появлением Учения человечество получило возможность духовного развития.

Такая претенциозность для Агни-йоги закономерна. Агни-йоги – «апологет Истины... ощущение истины природно йогу»; он крепко держит «руль жизни», он «все может, йогу все дозволено», он окружен тонкой стихией, «испепеляющей, чтобы творить», он нравственен, он благоразумно отказался от общения с предателями Истины, он заменил кровное родство духовным, он не исповедует в ложные религии и т.д. Этот избыток достоинств абсолютен, и с его высоты Агни-йоги наблюдают мир; правда, он не «терпит наблюдения собственного» лица. Только он приобщен к психической энергии, поток которой «не бывает принят двуногими». Агни-йоги всего достиг и создал место, которое «красит человека».

Как видим, Живая Этика каждым своим словом пыталась быть обращенной к человеку. Но, как известно, количество переходит в качество, а тезис – в антитезис, и, по Учению, уже не человек красит место, а наоборот, – с водой выплеснули ребенка, т.е. человека. Но это не так важно – через «толпы дело эволюции не творится» [1], ибо все гнилое, все нетвердое должно отпасть. «Не толпы нужны, но отдельные избранные» [20, с.385].

Укорениться в массовом сознании – одна из задач современных неорелигиозных движений, и рериховская религия не является исключением. Интерес представляют методы, используемые для достижения этой задачи в Учении Рерихов.

1. Переориентирование сознания на ценности, не характерные для обыденной жизни; «нужно со всею внимательностью удалять из мышления все, что может привязывать к обыденному обиходу» [20, с. 34]. Среди таких ценностей самоизменение – настоящий вызов повседневности. И поскольку сегодня нет базового консенсуса, касающегося духовной жизни людей [6, с. 146], то произвол со стороны неорелигий здесь очевиден.

2. Избирательный отбор последователей: «... все прикоснувшиеся так или иначе к теософии или другим учениям, много шире, и с ними легче. Так, в Болгарии, думается мне, – поучает Елена Рерих американских сотрудников, – будет легче найти годный материал» [20, с.157].

3. Разделение последователей на близкий круг и всех остальных. «Всех нужно держать на известном расстоянии», «но всех нужно ставить на правильные рельсы» [20, с. 190, 293]. При этом ближайшие получают право на знание подробностей из религиозного опыта Водителей, все остальные – на тексты Живой Этики. Но сознание и тех и других сетью истины уловлено.

4. Удерживание профанного сознания в неопределенности, напряженности и страхе: постоянное муссирование эсхатологической тематики – «грозен Армагеддон», необратимо «приближающееся смещение расы, всегда сопровождающееся гигантскими

космическими катаклизмами» [19, с. 6], ибо «не лета, а годы остались до времени, когда «воссияет Чертог Небывалый» [20, с. 242].

5. Экзальтация обыденного сознания последователей, которое часто в состоянии инфантильности требует внимательного отношения психолога. Но лидеры Живой Этики это свойство массового сознания используют в соответствии со своими интересами: «сейчас нужно еще больше поражать необычностью, покорять со стороны неожиданной», особенно, когда проявляется доверие и последователи «радуются слову одобрения и ободрения», «будем подливать топливо там, где огонь еще не угас» [20, с. 234, 371].

6. Интернирование «законных» способов психизма, – ясновидения, автоматического письма, пророческих снов и др. как отмененных свыше, чем утверждалась авторитарность лидеров движения. Оставлялось «лишь ясновыслушивание», что исключало возможность кому-либо из последователей движения ирреально влиять на события, – «это выбьет оружие из рук ярых. И, конечно, ясновыслушивание Матери Агни Йоги не может сравниться с прочими. Так надо утверждать» [20, с. 252].

7. Культивирование образа сверхличности, что требовало немалых человеческих ресурсов. Так, ближайшей сотруднице доверяется «великая миссия проталкивать в сознание соотечественников и стучащихся все значение Николая Константиновича как культурного вождя» [20, с. 292]. А сама идея вождизма в Учении представлена достаточно пристрастно: проверка, контроль и надзор не второстепенные его функции в будущем культурном строительстве – «сам Вождь должен проверять сознание судей», «пристально следит Вождь за сотрудниками», лично участвует в печатном деле, во многих вопросах, главных и второстепенных; «надзор» с его стороны «должен быть очень бдительным» [15, §§ 19, 20, 49, 89, 121]. Цена такого пристального внимания к сознанию со стороны лидирующих в социуме сил человечеству известна: объекты его внимания побывали на иезуитской дыбе и на этапах в Сибири. Однако сознание, питаемое религиозной верой, такие подробности не воспринимает как катарсис и продолжает свое забвение в тонких лучах «мира Вещей», позволяя «захватническому типу поклонников совершенства» [27, с. 376] созидать «новые» формы жизни.

Рассмотренные методы управления религиозным сознанием в рериховском движении не являются исчерпывающими, а интенции на текстах Живой Этики, насыщенных парадоксами и особенностями последовательно развернутого субъективизма и далеко не научного отношения к действительности, могут заинтересовать современного исследователя, потому что среди ученых есть представители, настаивающие на вкладе мистики в дело более полного познания мира.

Говоря о современном изучении различных экстрасенсорных и внетелесных переживаний, Джеффри Мишлав обращает внимание на значимость совместных усилий «ученого, священника, шамана и художника», объединяющихся «в одной личности нового типа, готовой погрузиться в великое таинство жизни, лежащей за «фасадом» мира» [9, с. 200]. И в этом контексте опыт «чистой религии» с ее психизмом, описанный Рерихами, может занять свое почетное место в исследовательских программах, чтобы послужить благородным целям в познании человека. Ф. Капра, например, считает, что отношение мистики и науки – такое же, как корней китайского Дао к его ветвям: одно не есть другое, но и оба не мыслимы друг без друга [10, с. 215]. Так что лидеры Живой Этики, отказываясь от мистики, «повивальной бабки» их учения, рискуют потерять и его «светоносную суть».

Обширный религиозный континуум – область, где в витиеватостях духа затерялся человек-мечтатель, и наука, раскрывая сплетение ее измененных миров, обнаруживает ценности духовной жизни... религией не востребованные.

Источники и литература

1. Агни-йога. – Рига, 1929.
2. Аум. – Рига, 1936.

3. Бибахин В.В. Язык философии. – М.: Прогресс, 1993.
4. Братство. - Ч. 2. – Самара: Рериховский Центр духовной культуры, 1992.
5. Братство. – Рига, 1937.
6. Визгин В.П. Эпистрофический порыв: прошлое и настоящее.// Вопросы философии. – 2000. – № 3.
7. Воя - языковой архаизм, в контексте учения - воинство.
8. Гиндилис Л. М., Фролов В. В. Философия живой этики и ее толкователи. Рериховское движение в России.// Вопросы философии. – № 3. – 2001.
9. Джеффри М. Корни сознания. – К.: София, 1995.
10. Капра Ф. Наука и мистицизм.// Пути за пределы «эго». – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.
11. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. – М.: ИНИОН, 1996.
12. Кузанский Н. Наука познания /Цит. по Бибахин В. В. Язык философии. – М.: Прогресс, 1993.
13. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997.
14. Мир огненный. - Ч. 1. – Рига, 1933.
15. Напутствие Вождю. – Рига, 1933.
16. Община. – Рига, 1926.
17. Озарение. – Рига, 1925.
18. Письма Николая Рериха в Далай Пхобранг (1924).// Вестник Ариаварты. – №1. – 2001.
19. Рерих Е.И. Письма Елены Рерих, 1929—1938. В 2 т. - Т. 2. – Мн.: Белорусский фонд Рерихов, 1992.
20. Рерих Е.И. Письма Елены Рерих, 1929—1938. В 2 т. Т. 2. – Мн.: Белорусский фонд Рерихов, 1992.
21. Рерих Е.И. Письма. - Т. 3. 1935. – М.: Международный Центр Рерихов, 2001.
22. Рерих Е.И. У порога нового мира. – М.: Международный Центр Рерихов, 1933.
23. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999.
24. Современный философский словарь. – М., 1996.
25. Философское сознание: драматизм обновления. – М.: Политиздат, 1991.
26. Хейзинга И. Homo Ludens.// Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991.
27. Хефелс Ф. Э. Психоанализ и религия. – Freiburg. – Ahriman-International, 1999.
28. Хорни К. Зов власти.// Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. – Самара: Бахрах, 1999.
29. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – Библиотека - Алия, в 2-кн— Кн. 1, 1989.
30. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. – М. – СПб.: Университетская книга, 1999.